

Страницы истории

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ПО УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1927–1933 гг.)

А. В. Змеевский*

Начало многосторонним усилиям государств по формированию правовой базы совместной борьбы с терроризмом было положено в ходе международных конференций по унификации уголовного законодательства в конце 20 – второй половине 30-х годов¹.

1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНФЕРЕНЦИЙ ПО УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Цели движения "унификаторов" были сформулированы в 1926 году в резолюции Брюссельского конгресса Международной ассоциации уголовного права, ставшей по сути учредительным документом этого движения. В ней, в частности, предусматривалось "рассмотреть и унифицировать принципы, положенные в основу разрабатываемых проектов уголовных кодексов, вводя туда по возможности общие начала применения репрессий"².

В ходе конференций "унификаторы" готовили рекомендации, на базе которых государства-участники могли бы привести к общему знаменателю свое национальное законодательство, в том числе по вопросам борьбы с воздушным и морским пиратством, фальшивомонетничеством, терроризмом, распространением наркотиков, работорговлей, а также наметить пути сотрудничества с целью наказания виновных в этих преступлениях лиц.

Представитель Бельгии на IV Конференции по унификации уголовного законодательства Н. Гансбург сформулировал задачи "унификаторов" следующим образом: "...идея конференции – включить в кодексы участвующих в ней государств сходные, если не идентичные, определения таким образом, чтобы было возможно как можно проще предусмотреть сходные наказания и обеспечить эффективность международного преследования"³. До середины 30-х годов

* Заведующий отделом Правового департамента МИД РФ.

в этих конференциях участвовали лишь представители капиталистических стран⁴. Разумеется, их политические воззрения не могли не сказаться на работе конференций⁵. Однако наряду с определенной политической направленностью движение "унификаторов" аккумулировало опыт многосторонних усилий, ориентированных на поиск путей совместного противодействия терроризму. Центральное место в этой работе заняла подготовка определения терроризма.

II. ВЫРАБОТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Краткая история. На I Конференции по унификации уголовного права ее Генеральная ассамблея приняла текст, в котором среди преступлений по праву народов, таких как пиратство, перевозка наркотиков, торговля женщинами и рабами, называлось "преднамеренное использование средств, способных вызвать общую опасность" ("l'emploi intentionnel de moyens capables de faire courir un danger commun")⁶. Многие из участников под такими посягательствами подразумевали терроризм, хотя это понятие появилось в качестве добавления, да и то в скобках, к варшавской формуле (преступления, вызывающие "общую опасность") в ходе III Конференции по унификации уголовного права (Брюссель, 1930 г.)⁷. Стремление уделить приоритетное внимание проблеме определения терроризма возобладало на IV Конференции по унификации уголовного права (Париж, 1931 г.); там же было признано целесообразным вернуться на более позднем этапе к разработке понятия «преднамеренное использование средств, способных вызвать "общую опасность"». Следуя этой договоренности, "унификаторы" одобрили выработанное ими определение терроризма на своей V Конференции (Мадрид, 1934 г.) – своего рода производное от разработки понятия «преднамеренное использование средств, способных вызвать "общую опасность"».

Концепция "общей опасности"⁸

Ее разработка велась по двум основным направлениям – под углом зрения внутреннего законодательства, а также с учетом формирующихся международно-правовых подходов к борьбе с уголовной преступностью. В их переплетении заложена определенная противоречивость, характерная для всего "унификаторского" движения, ставшего, по существу, переходным этапом от усилий государств в борьбе с уголовными посягательствами на основе совершенствования и гармонизации национальных законов к их сотрудничеству в этой области на базе международного права.

Уголовно-правовые параметры концепции "общей опасности"

В подготовленном на основе доклада Гансбурга проекте резолюции III Конференции предлагалось в качестве «преднамеренного применения средств, способных вызвать "общую опасность"», рассматривать действия, угрожающие жизни, физической неприкосновенности, здоровью человека, а также уничтожение ценного имущества⁹.

Критерий "общей опасности" указанных правонарушений выдвигался Гансбургом в качестве единственного ключевого элемента определения. На IV Конференции Лемкин (Польша) предложил "смешанный вариант" – критерий "общей опасности" (главный) дополнить при определении наказания критерием "учета реально нанесенного преступными действиями ущерба" (как отягчающее обстоятельство)¹⁰. Такой вариант, по его мнению, позволял бы полнее учитывать особенности национальных законодательств, а также более эффективно осуществлять судебное преследование преступлений, совершенных за рубежом (в частности, избегать сложностей, связанных с квалификацией и толкованием национальным судом расплывчатого критерия "провоцирования общей опасности" в иностранном государстве).

Возник также вопрос, насколько удачен сам термин «преднамеренное использование средств, способных вызвать "общую опасность"». Проведенный в этой связи итальянцем Рокко анализ уголовного законодательства ряда западноевропейских государств (в том числе УК Италии) подвел его к мысли, что конкретные правонарушения, отнесенные к категории способных вызвать "общую опасность", скорее имеют иную объединяющую их направленность – против государственной безопасности; подметил он и некоторое их сходство с преступлениями против общественного порядка¹¹.

На разных этапах "унификаторского" движения исследование с точки зрения уголовно-правовой теории соотношения понятий «преднамеренное использование средств, способных вызвать "общую опасность"» и "терроризм" приводило, по существу, к диаметрально противоположным выводам. Своего рода черту под разбросом мнений о соотношении правонарушений, способных создать "общую опасность", и терроризма подвел на V Конференции представитель Франции Ру, пришедший к выводу, что эти понятия не всегда совпадают. Анализируя их соподчиненность как уголовно-правовых категорий, он констатировал, что первая из них "не предполагает обязательно ни в качестве намерения, ни в качестве действия терроризм, который представляет собой запугивание населения с помощью актов насилия". И наоборот, по его мнению, "можно терроризировать

население подлыми убийствами политических деятелей, партийных руководителей, не ставя под угрозу население в целом"¹².

Международно-правовая модель концепции "общей опасности". Ее несущей конструкцией стала квалификация противоправных деяний, связанных с «преднамеренным использованием средств, способных вызвать "общую опасность"», как разновидности "преступлений по праву народов". Впервые это было сделано в ходе I Конференции, которая к разряду таких преступлений наряду с правонарушениями, способными вызвать "общую опасность", отнесла также пиратство, перевозку наркотиков, торговлю женщинами и рабами. Если спроецировать этот перечень деликтов на реалии сегодняшнего дня, то скорее всего "преступления по праву народов" (в том виде, как они виделись "унификаторам") – прообраз или, по крайней мере, категория, очень близкая к современным преступлениям международного характера.

Лемкин выделил два основных критерия "преступлений по праву народов":

- формально-юридический (возможность преследовать исполнителя противоправного акта независимо от места его совершения в уголовном порядке, включая судебное разбирательство);

- материальный: 1) совершение преступления происходит на территории нескольких государств (торговля женщинами, рабами, транспортировка наркотиков и т.д.); 2) ценности, в отношении которых допущены нарушения законов, должны представлять для международного сообщества материальное значение (коммуникации, внешняя торговля и т.д.) или моральную ценность (например, международный мир); 3) уголовный акт глубоко оскорбляет чувство справедливости, а также человеческое достоинство; такой акт потрясает основы человеческого сознания.

Анализ изложенных критериев приводит Лемкина к выводу, что преследование в уголовном порядке какого-либо "преступления по праву народов" "должно быть, следовательно, оправдано материальным и нематериальным интересом международного сообщества; такое преступление не может не затрагивать международные интересы"¹³.

Таким образом, "преступления по праву народов" на "унификаторских" конференциях было предложено рассматривать как противоправные деяния, выходящие за сферу национальных интересов, уголовное преследование которых, следовательно, требует объединения усилий государств.

Обоснованность причисления того или иного деликта к категории «преднамеренного использования средств, способных вызвать "общую опасность"», очевидно, следовало бы определять прежде

всего под углом зрения их соответствия критериям "преступлений по праву народов", как это вытекает из решений Варшавской конференции, установивших соподчиненность этих понятий.

Действительно, достаточно беглого взгляда на предложенный в ходе III Конференции "реестр" правонарушений, способных спровоцировать "общую опасность", чтобы зародились сомнения, что не все перечисленные в нем деликты (например, разрушение сооружений и приспособлений для тушения пожаров, повреждения гидравлического оборудования) и далеко не во всех случаях требуют объединения усилий государств.

Неудовлетворенность проделанной в Брюсселе работой прежде всего с точки зрения соответствия подготовленных там определений критериям "преступлений по праву народов", по всей видимости, побудила Лемкина предложить IV Конференции свою версию классификации рассматриваемой категории деликтов: 1) "правонарушения, которые опасны и приводят к нанесению ущерба, прежде всего на территории государства — места совершения правонарушения, и которые подлежат международному преследованию, поскольку совершившее их лицо субъективно опасно" (преднамеренные поджог, использование взрывчатых веществ, огнестрельного оружия, легковоспламеняющихся материалов, провоцирование "общей опасности" путем выведения из строя систем водоснабжения, освещения, отопления и т.п.); 2) "акты, которые приводят к нанесению ущерба на территории данного государства, имеют или могут иметь последствия на территории другого государства, и прежде всего для международных отношений" (акты, направленные против наземных, воздушных или морских коммуникаций, средств телеграфной, почтовой и телефонной связи). Лемкин считал характерным для этой категории правонарушений, что "акт, совершенный на части территории какого-либо государства, имеет последствия во всем цивилизованном мире, проявляется ли он в форме ущерба, нанесенного непосредственно государствам или группировкам граждан иностранных государств, либо в форме нарушения международных связей"¹⁴.

Сама по себе попытка выделить критерии международной противоправности описанных выше деяний идет в правильном направлении. Вместе с тем не все названные деяния отвечают критериям, предложенным автором. Одной из примечательных черт классификации Лемкина является, по существу, отказ от термина "общая опасность" и переход к понятию "опасность" в более широком смысле этого слова. Тем самым он поставил под вопрос целесообразность разработки концепции "общей опасности" с точки зрения ее международного измерения.

Такую постановку вопроса развил в ходе V Конференции Ру, который пришел к выводу, что невозможно утверждать, какие из посягательств, предложенных предыдущими докладчиками в качестве создающих "общую опасность", при всем воображении угрожают человечеству и, следовательно, формируют категорию "преступлений по праву народов"¹⁵. По его мнению, нельзя на основе критерия "общей опасности" возводить на уровень международного взаимодействия чуть ли не все национальное уголовное право. К каким искажениям это может привести, он иллюстрирует на следующем примере: "...если во время массовых волнений или забастовки бунтующие или рабочие для того, чтобы воспрепятствовать вмешательству государственных сил, обрывают телефонную линию или врываются в служебное помещение и выводят из строя приборы, подающие сигнал тревоги, они будут признаны виновными в "преступлении по праву народов", поставлены вне человеческого общества, и против них будет разрешено начать уголовное преследование в любом месте, где они будут задержаны"¹⁶. Ру вполне обоснованно задается вопросом, насколько тяжесть содеянного соотносится с его юридическими последствиями. Эту мысль можно развить: насколько оправданно прибегать к помощи международного права в борьбе с нарушениями, не выходящими за пределы национального законодательства? Как бы отвечая на этот вопрос, Ру высказывает опасения, что, встав на путь, предложенный предыдущими докладчиками, можно увести "унификаторское" движение в сторону, тем самым скомпрометировав его в последующем¹⁷.

Справедлива и постановка Ру вопроса о том, насколько удачно само понятие "общая опасность". "Общая" по отношению к кому или чему? Угроза, которая существует для двух лиц или двух предметов, является общей для этих двух лиц или предметов. Однако такой угрозы, очевидно, явно недостаточно, чтобы создать обстоятельства, отягчающие общеуголовное правонарушение настолько, чтобы оно трансформировалось в категорию "преступлений по праву народов". В этой связи Ру предложил заменить выражение "общая опасность" (*le danger commun*) на выражения "общественная угроза" (*le peril public*) или "всеобщая угроза" (*le peril general*).

Эти соображения были развиты Лемкиным: термин «преднамеренное использование средств, способных вызвать "общую опасность"» не отвечает критериям "преступления по праву народов"; он не точен, так как в нем используется понятие "общей опасности", которое существенно отличается от опасности всеобщей (международной) – *le danger général (international)*¹⁸.

В качестве точки отсчета при конструировании модели "преступления по праву народов" Лемкин предложил критерий "защищенной

ценности" (le criterium du bien protégé), то есть ценности, имеющей международное значение (международные транспортные коммуникации, радио-, телеграфная, телефонная связь, почтовые сообщения и т.п.)¹⁹. Критерии же способа осуществления, а также цели противоправного акта отступают у него на второй план. Согласно логике Лемкина, правонарушения, способные вызвать "общую опасность", подпадают под категорию "преступлений по праву народов" лишь тогда, когда они направлены против ценностей, имеющих международное значение.

В итоге на V Конференции возобладала точка зрения о нецелесообразности использования понятия "общая опасность". "Унификаторы" приняли решение в дальнейшем заниматься исследованием вопроса о правонарушениях, вызывающих "всеобщую опасность" (le danger général).

Проведенный "унификаторами" анализ международных параметров соотношения понятий "терроризм" и «преднамеренное использование средств, способных вызвать "общую опасность"» привел, по существу, к тому же выводу, что и исследование этих двух категорий с точки зрения уголовного права, — их содержание не всегда совпадает друг с другом. По мнению Радулеско (Румыния), могут быть акты, не подпадающие под варшавскую формулу («преднамеренное использование средств, способных вызвать "общую опасность"» как "преступление по праву народов"), которые являются посягательствами, имеющими целью навязать путем насилия или запугивания какую-либо политическую или социальную доктрину, и которые по своему характеру могут вызвать "общую опасность", то есть акты терроризма. Как и могут быть средства, способные вызвать "общую опасность", но не представляющие собой актов терроризма²⁰.

В чем причины недолголетия концепции "общей опасности"? Думается, основных причин две, и они взаимосвязаны. Первая — отсутствие четкого юридического определения понятия "общая опасность" как в его уголовно-правовом, так и в международно-правовом аспектах. Вторая — политическая заинтересованность некоторых участников "унификаторского" движения объединить государства в борьбе с отдельными проявлениями массовых выступлений населения, которые намеренно камуфлируются наряду с уголовно наказуемыми деяниями в юридически расплывчатые одежды «правонарушений, способных вызвать "общую опасность"». Кроме того, многие составляющие этой юридической конструкции, которую предлагалось рассматривать как "преступление по праву народов", критериям этого преступления не соответствовали, противодействие им могло бы вполне ограничиться национальным уровнем.

Определение терроризма

Попытка дать юридическую квалификацию актам терроризма была предпринята в ходе III Конференции на основе доклада Гансбурга: "Наказывается преднамеренное использование средств, способных вызвать "общую опасность", являющееся актом терроризма, по которому кто-либо обвиняется в совершении преступления против жизни, свободы, физической неприкосновенности лиц либо против имущества государства или частных лиц с целью выразить или осуществить политические или социальные идеи"²¹. Из-за недостатка времени III Конференция не смогла определить своего отношения к данной квалификации. Однако этот вариант стал своего рода отправной точкой на пути длительных дискуссий и множества рабочих проектов, который пришлось преодолеть "унификаторам", чтобы в ходе V Конференции согласовать окончательную редакцию определения терроризма – *применение какого-либо средства, способного терроризировать население, в целях уничтожения всякой социальной организации*²².

Как и при выработке концепции "общей опасности", в рамках "унификаторского" движения прослеживается сочетание двух основных подходов к проблеме терроризма – учет особенностей национальных уголовных законодательств, а также взгляд на терроризм как одно из "преступлений по праву народов" (международному праву).

Уголовно-правовой подход. Природа терроризма. Рациональное предложение прозвучало в выступлении Радулеско (Румыния) – провести разграничение между терроризмом как социальным явлением и террористическими актами как юридической категорией. И если в отношении самой идеи разграничения между социальной и правовой сторонами этого феномена никто не возражал, то в отношении юридической природы терроризма точки зрения разделились. В то время как Гансбург и Ру рассматривали терроризм как особую, самостоятельную категорию преступления, Лемкин, Браффор (Бельгия) и Рокко (Италия) отрицали наличие у терроризма свойств юридического понятия, то есть некоего общего, объединяющего весьма разнородные "акты, которые терроризируют население, вселяют в него трепор".

Все же некоторые черты, определяющие специфику преступления терроризма, "унификаторами" были найдены. Условно можно выделить две крупные составляющие: надстроечная конструкция (преднамеренность деяния, его цели и т.п.) и материальная основа правонарушения (средства, примененные для совершения теракта, реально нанесенный ущерб, объект преступления и т.п.).

В надстроечной части "унификаторами" выделяются два взаимосвязанных компонента – преднамеренность содеянного и цели, которые при этом преследовались. Под умысленностью, например, Радулеско понимал некоторое намерение, которое представляет "особый злой умысел" (*dolus specialis*), посягательство²³. Среди целей исполнителей теракта "унификаторы" выделяли социально-политический блок и цель массового устрашения. Для характеристики последней использовались различные термины: "терроризация населения" – Ру, Браффор; "стремление посеять коллективный страх среди населения" – Радулеско; "коллективное запугивание" – Пелла (Румыния). Большинство участников склонялось к тому, что цели теракта непременно должны носить социально-политическую окраску. Гансбург, Лемкин, Радулеско, Кесьяков (Болгария) исходили из того, что именно наличие социально-политических целей у исполнителя и отличает, собственно говоря, теракт от другого преступления. Некоторые "унификаторы" считали, что наличие социально-политических целей преступления устанавливает за ним статус "политического преступления" и, соответственно, к лицам, их совершающим, не может применяться процедура преследования за обычные уголовные правонарушения.

Однако были и другие точки зрения. Испанец Де Асуа отмечал, что существуют случаи, когда терроризм не преследует "политической или социальной цели" и потому вводить в его определение элементы "политического или социального намерения" опасно²⁴. Замбос (Греция) в этой связи предупреждал, что приписывание всем преступлениям данной категории "политической или социальной тенденции" может привести к "триумфальному оправданию виновных" в процессе их уголовного преследования²⁵. Как бы подводя черту под изложенным, Ру сделал вывод, что уголовному преследованию должен подлежать "любой акт, имеющий целью терроризировать население"²⁶.

Де Асуа и Пелла выступили и против наделения терроризма статусом "политического преступления" и, соответственно, создания особой системы преследования за политические преступления. "Террористические акты, – отмечает Пелла, – какими бы ни были обстоятельства их совершения и побудительные мотивы их исполнителей, должны рассматриваться как акты, дающие основание для их эффективного преследования, аналогично преследованию за преступления по общему праву"²⁷. Де Асуа считает недопустимым путать уголовное право с политикой, поскольку очевидно, что и "революции делаются путем насилия". "Любая страна, – рассуждает он, – вполне может против режима, который находится в оппозиции манере мышления большинства, осуществить революцию с помощью силы; это совсем не терроризм"²⁸.

Тем не менее среди "унификаторов" возобладала точка зрения о том, что цели терроризма имеют социально-политическую окраску. Было решено, отставив в сторону политическую характеристику цели (из-за невозможности прийти по этому вопросу к общему согласию), сконцентрировать внимание на социальных аспектах намерений, которые преследуют террористы. В результате V Конференция включила в принятое ею определение терроризма формулу – "в целях уничтожения всякой социальной организации". Лишь испанская делегация воздержалась при голосовании по этому вопросу.

Вторая составляющая терроризма – это комплекс материальных факторов, связанных с этим преступлением и варьирующихся в каждом конкретном случае. Удалось "унификаторам" вычлениить и более или менее "постоянные" компоненты этой составляющей.

Во-первых, речь шла о средствах, применяемых при совершении террористических актов, способных терроризировать население. На первом этапе предпринимались попытки (Радулеско, Лемкин) дать если не полное, то, по крайней мере, весьма подробное описание таких средств – использование огнестрельного оружия, взрывчатых устройств, распространение эпидемий, эпизоотий и т.п. Затем линия на детальное описание террористических методов уступает место формулировкам, отражающим в общей форме существо этих методов, – навязывание определенных доктрин путем насилия и запугивания (Гансбург), использование средств, которые уже в силу природы своей приводят к терроризации населения (Ру). В окончательной редакции V Конференция выработала формулу – "применение какого-либо средства, способного терроризировать население"²⁹. Сущностную характеристику таких средств Алойзи и Д'Амельо увидели в их потенциале. По их оценке, действия преступников будут своими последствиями терроризировать население, играть роль детонатора, вызывающего дезорганизующие процессы в обществе. По мнению Ру, установление факта применения таких средств необходимо для признания того, что преступление терроризма имело место, и, следовательно, для наступления уголовной ответственности.

Во-вторых, "раздвоение" понятия "объект преступления" у "унификаторов". В этом, собственно говоря, проявляется одна из специфических черт терроризма. Речь может идти как об объекте непосредственного воздействия в результате или в ходе совершения террористической акции, так и о "пассивном объекте" – населении, устрашения которого добиваются, как правило, террористы.

В-третьих, неизбежное попрание (нарушение) ценностей общества и государства, охраняемых законом, которые можно условно называть "юридическими ценностями". К ним были отнесены, в частности, госбезопасность, общественный порядок (Алойзи, Д'Амельо),

функционирование государственных структур и общественно полезных служб (Ру, Радулеско).

Международное измерение природы терроризма и необходимости совместного противодействия ему. На начальных стадиях обсуждения целесообразность объединения усилий государств в борьбе с этим злом выводилась (в частности, Лемкиным) из "общей опасности", которую представляет терроризм для всех государств. По мере того как "унификаторское" движение стало отказываться от концепции "общей опасности", необходимость международного антитеррористического взаимодействия или внедрения отдельных его элементов (главным образом уголовно-репрессивных мер транснационального характера) обосновывалась опасностью, которую несет в себе "бедствие" терроризма "всему человечеству" (Радулеско, Пелла).

На юридический язык обоснование потребности в объединении усилий государств в этой области на V Конференции положил Лемкин, рассматривавший терроризм как разновидность преступлений по праву народов. Существо последнего, по мнению польского ученого, как раз и состоит в том, что оно "не может не затрагивать международных интересов"³⁰. Защита интересов международного сообщества, считает Лемкин, и определяет необходимость объединения усилий его членов в борьбе с терроризмом. К аналогичному выводу приходит и итальянец Алойзи, утверждающий, что потребность в международной солидарности возникает тогда, когда речь идет об уголовном преследовании "действительно серьезных правонарушений", которые "действительно затрагивают интересы защиты общества"³¹. Признав, что терроризм в целом – во всем многообразии своих проявлений – не может отвечать параметрам "преступления по праву народов", "унификаторы" приступили к исследованию соответствия этим критериям отдельных категорий терроризма: политического, "обычного" (уголовного) и социального.

Терроризм политический. Большинство "унификаторов" все же склонялось к мнению, что эта разновидность терроризма носит характер политического преступления. Хотя Лемкин и видел в нем уголовно наказуемые действия, специфический характер которых определяется их политической целью, в то же время он приписывал ему свойства преступления политического, которое является проявлением борьбы между индивидом или группой индивидов (политическое, экономическое, национальное или религиозное меньшинство), с одной стороны, и государством – с другой. Ру также понимал под этим понятием политическое преступление. По его мнению, политический терроризм имеет место тогда, когда "партия, которая не находится у власти или даже которая находится у власти, стремится

навязать себя населению”³². С аналогичных позиций выступал и итальянец Алойзи, который относит к политическому терроризму ”посягательства, совершенные в форме террористических актов, с целью ниспровергнуть лишь политическую организацию определенного государства”³³.

Лемкин – противник зачисления терроризма политического в категорию преступлений по праву народов, как, впрочем, вообще формирования такого правового понятия как для национального законодательства, так и для целей международного сотрудничества. При этом он исходил из того, что материальная сторона действий, подпадающих под понятие терроризма политического, уже отражена в национальном законодательстве; что же касается цели этих действий или их побудительных мотивов, то они могут быть приняты во внимание при определении степени вины. Нежелательным считал он и ”интернационализацию” терроризма политического, которая ”имела бы в качестве результата, что государство ”А” (место задержания преступника) выступало бы в роли судьи в вопросах политических разногласий между государством ”В” (место совершения преступления) и проживающими в нем лицами”³⁴. Отсюда делался вывод, что судебные решения по таким делам могут превратиться в источник постоянных международных конфликтов. Оставляя за этой разновидностью терроризма статус политического преступления, Лемкин допускает, однако, его преследование на международном уровне, когда наносится ”ущерб ценностям, имеющим неоспоримое значение для международного сообщества”³⁵.

Ру считал, что терроризм политический не может быть отнесен к категории ”преступлений по праву народов”, поскольку политические преступления по законодательству Франции и некоторых других стран не подпадают под категорию преступлений, влекущих выдачу. Он приходит к выводу, что терроризм политический для целей выдачи должен быть приравнен к общеуголовным преступлениям, но это еще не дает оснований для его перевода в категорию ”преступлений по праву народов”, поскольку акты терроризма политического ”почти никогда не выходят за рамки национальных границ”³⁶.

”Обычный” (неполитический, т.е. имеющий целью лишь терроризировать население) терроризм. Сопоставление этой категории с критериями ”преступления по праву народов” провел лишь Лемкин, который пришел к выводу, что ”обычный” терроризм этим критериям не отвечает. В своем анализе он исходил из того, что терроризация населения не является определяющим фактором трансформации правонарушения в ”преступление по праву народов”, поскольку сама по себе терроризация населения на отдельных территориях (скажем, гангстерами в США) не затрагивает международных интересов.

Социальный терроризм. Большинство "унификаторов" разделяло точку зрения Ру, что эта разновидность терроризма нацелена на "уничтожение всякой социальной организации"³⁷ и имеет место, когда, не проявляя заинтересованности к поиску политических путей прихода к политической власти, совершают "акты, которые тревожат все население"³⁸. Алойзи вкладывает в понятие терроризма социального непосредственную направленность против "экономической организации современного общества"³⁹. Хотя большинство участников подчеркивало, что речь идет прежде всего о противодействии терроризму анархистского толка, некоторые пошли дальше (например, Ру), поясняя, что терроризм социальный направлен на достижение таких социальных идеалов, как коммунизм и лишь затем анархизм.

На вопрос о соответствии терроризма социальным критериям "преступления по праву народов" Ру отвечал отрицательно, исходя из того, что эта разновидность терроризма "не вызывает всеобщего возмущения и угрозы международному порядку"⁴⁰. По его оценке, русские нигилисты остались опасностью специфически русской; французские или испанские анархисты остались опасностью специфически испанской или французской. Местный судья вполне вооружен, чтобы положить конец их замыслам: достаточно выдачи, а не установления "повсеместной (универсальной) юрисдикции". Иной точки зрения придерживались Алойзи, Калоянни (Греция). Последний, например, исходил из того, что "социальная организация является фундаментом всей международной жизни"⁴¹.

В итоге лишь социальный терроризм стал объектом рассмотрения "унификаторов". Хотя в окончательной редакции напрямую не говорится о том, что эта разновидность терроризма (направленная на уничтожение всякой социальной организации) является "преступлением по праву народов", косвенно такой вывод вытекает из резолюций, принятых V Конференцией. В частности, в них предусматривается возможность осуществления выдачи и даже установления юрисдикции, скорее транснациональной, чем универсальной, в отношении этой категории террористических действий.

Итоги работы, проделанной "унификаторами" по согласованию определения терроризма, позволяют сделать следующие выводы.

В основу окончательного варианта определения легла концепция "минимального общего знаменателя" возможных совместных действий по борьбе с терроризмом. Суть ее в том, чтобы создать механизм международного антитеррористического взаимодействия (разумеется, в его зачаточных формах) из апробированного материала — тех конструкций, которые уже имелись в национальных законодательствах большинства стран. В этом прослеживается одна из опре-

деляющих тенденций движения "унификаторов" – вести согласование, в том числе определения терроризма, в большей привязке к национальному уголовному законодательству, чем к международному праву. Такой подход вытекает из целей движения – выработать рекомендации, сориентированные на унификацию уголовного права, и лишь на базе национального права, приведенного к какому-то общему знаменателю, допускается – как следующая фаза – возможность международного (скорее трансграничного) сотрудничества. "Унификаторы" ближе в своем стремлении к поиску практических решений на уровне национального закона и судопроизводства; большинство из них еще не готово перейти к сотрудничеству по борьбе с терроризмом на базе норм международного права.

Другим ограничителем возможностей сотрудничества в рамках движения "унификаторов" является линия на его идеологизацию. Она не безальтернативна (идеи о необходимости деидеологизации определения терроризма и в целом борьбы с ним высказываются Де Асуа, Пелла и другими участниками), но имеет доминирующий характер. Де Асуа считал, что формулировки, привносящие в разрабатываемое определение терроризма идеологические элементы, являются главным препятствием на пути к всеобщему согласию, устранив которое, можно не только решать проблемы выдачи, но и "придать преступлению характер международного деликта"⁴². Деидеологизация антитеррористического взаимодействия государств – ключ к развязке многих трудных узлов, затянутых еще в периоды, предшествовавшие "унификаторскому" движению, и которые предстоит распутывать и в наши дни.

Несмотря на такие серьезные ограничители, работа "унификаторов" над определением терроризма дала ощутимые результаты. Терроризм предстает как самостоятельная юридическая категория; определены наиболее общие параметры этого преступления; высвечен антиобщественный характер этого явления; подтверждено, что борьба с ним должна вестись как на национальном уровне, так и объединенными усилиями государств.

Анализ терроризма ведется главным образом на основе достижений национального законодательства, концепций с преобладанием политического компонента (терроризм социальный, терроризм политический и т.п.). Еще далеко до "введения в оборот" понятия терроризма международного. Вместе с тем "унификаторы" приходят к пониманию необходимости выделения определенного международного среза проблемы терроризма. Ставится вопрос о терроризме как разновидности "преступления по праву народов", высказываются соображения, как трансформировать его в международный деликт.

Замкнутость на национальные законодательства и чрезмерная идеологизация проблемы терроризма отрицательно сказались на юридическом качестве подготовленного определения. Это проявляется, в частности, в использовании юридически нечетких, допускающих различное толкование формулировок (например, "всякая социальная организация", "какое-либо средство, способное терроризировать население").

Нелишним, очевидно, было бы дополнить общие положения определения конкретным, пусть даже в чем-то приблизительным, перечнем уголовно наказуемых действий (например, совершение акта насилия, убийство государственного деятеля). Такие синтетические конструкции применены в ныне действующих антитеррористических конвенциях.

В целом работа "унификаторов" над определением терроризма стала полезным шагом в направлении консолидации усилий мирового сообщества в борьбе с этим злом, высветила узкие места и определенную ограниченность уголовно-правового подхода к решению проблемы терроризма; в повестку дня был поставлен вопрос о переводе противодействия этому феномену на международно-правовую основу.

III. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обсуждение этой темы заняло у "унификаторов" значительно меньше времени, чем работа над определением терроризма. В этом прослеживается определенная логика. Межгосударственное сотрудничество (в том числе по борьбе с терроризмом) "унификаторы" сводили в основном к взаимодействию в плане гармонизации национального законодательства. В этой связи трансграничное уголовное преследование лиц, вовлеченных в террористическую деятельность (которое трудно осуществлять, опираясь лишь на нормы внутреннего права), имело для них значение, производное от согласования определения терроризма и его трансформации в законодательство государств-участников.

Существенное влияние на работу над проблемой международной уголовной репрессии оказали два противоречивых момента в позициях "унификаторов". С одной стороны, пробивает себе дорогу осознание определенной новизны разрабатываемого ими механизма уголовного преследования, поскольку речь идет о деликтах, выходящих за сферу национальных интересов и, следовательно, являющихся объектом регулирования международного права. С другой стороны, формирование такого механизма и его функционирование

"унификаторам" мыслится осуществить в основном с помощью старого инструментария – национального закона. Разумеется, это противоречие не могло не сказаться при выработке основных составляющих механизма трансграничной уголовной репрессии – юрисдикции, выдачи и ответственности (наказания).

Юрисдикция. Преобладающей тенденцией в этом вопросе было противоборство между приверженцами "территориальной юрисдикции" (трактовка "унификаторов" предполагает уголовное преследование в государстве – месте совершения преступления и по его законодательству) и сторонниками пробивавшей себе дорогу концепции "универсальной юрисдикции".

Во времена "унификаторов" "территориальная юрисдикция" являлась "базовым" принципом для законодательства большинства стран. Ру, обосновывая сохранение этого принципа, приводил довод, что только на его основе правонарушение может быть рассмотрено в судебном порядке с наибольшей гарантией точности⁴³. Отмечает Ру и "непреодолимое отвращение" отрывать преступника от его "натуральных судей" и передавать его суду и законам, которых он не знал, совершая преступления⁴⁴.

Главным аргументом в пользу применения принципа "универсальной репрессии" стало то, что в условиях выхода терроризма за рамки государственных границ практическую борьбу с ним становилось вести все труднее. Квалификация терроризма как разновидности преступлений по праву народов открывала дополнительные возможности для поиска более гибких форм уголовного преследования преступников по сравнению с тем, что могло предоставить претворение в жизнь принципа "территориальной юрисдикции". Если Радулеско выводил необходимость "универсальной юрисдикции" в отношении терактов из их принадлежности к преступлениям по праву народов⁴⁵, то Лемкин исходил из того, что "универсальность репрессии вытекает из чувства международной солидарности, имеющей тенденцию к консолидации и объединению усилий цивилизованного человечества в борьбе с преступностью"⁴⁶.

Прослеживается "унификаторами" (Пелла, Де Асуа) и такая возможность – "универсальная юрисдикция" предполагает утрату преступлениями, совершенными террористами, политического статуса, их приравнивание к обычным уголовным деяниям. При таком подходе, по мнению Абдель Фаттах эль Сайед Бея (Египет), упрощается преследование в уголовном порядке, а санкции за совершенное преступление становятся более адекватными⁴⁷. Кроме того, универсализация уголовного преследования предполагает, что виновным будет сложнее избежать заслуженного наказания, уголовная ответственность может наступить быстрее и само такое

наказание будет выглядеть более назидательным (Д'Амельо, Алойзи)⁴⁸.

Среди доводов против внедрения института "универсальной юрисдикции" упоминаются отсутствие механизма его реализации (например, процедур выполнения иностранной юстицией судебных поручений), потенциальная конфликтность выносимых судебных решений для межгосударственных отношений. Из этого делается вывод о преждевременности формирования такого института, незавершенности выдвигаемых на этот счет предложений (Ру).

Каким же виделся "унификаторам" механизм реализации "универсальной репрессии"? На III Конференции был подготовлен проект, в котором предлагалось преследовать и наказывать преступление независимо от места его совершения и от гражданства исполнителя "в соответствии с действующим законодательством страны – места совершения преступления"⁴⁹. Универсальность здесь в том, что уголовное преследование предлагается осуществлять в любой стране, но в соответствии с законодательством государства – места совершения преступления (очевидно, дань принципу "территориальной юрисдикции"). Этот вариант универсальности, который предполагал применение иностранного законодательства на территории суверенного государства, широкой поддержки (по всей видимости, в силу чрезмерно новаторского характера, не учитывавшего реалии международных отношений) среди "унификаторов" не получил. Хотя в нем присутствует, по крайней мере в теоретическом плане, рациональное зерно: ведь по замыслу "унификаторов" иностранное законодательство перестает быть чужеродным в силу приведения к общему знаменателю законодательств всех участников, различия скорее всего могли бы сохраниться в отношении конкретных сроков уголовного наказания. Но сфера противодействия терроризму настолько деликатна, что, как показывает практика, расхождения в оценке меры уголовной ответственности за содеянное нередко ведут к международным трениям.

Следующим шагом на пути универсализации уголовной репрессии за акты терроризма стали идеи Радулеско и Лемкина – вести такое преследование "в соответствии с действующим законодательством страны, осуществляющей уголовное преследование"⁵⁰. Предложение, пронизанное здравым смыслом и сориентированное прежде всего на противодействие дальнейшей "интернационализации" террористической деятельности. Однако широкой поддержки эта идея, по всей видимости, не получила, потому что допускала сложный, как оказалось, для ряда государств элемент выдачи преступника государством – местом его задержания государству, которое намеревалось подвергнуть преступника уголовному преследованию.

Наибольшее давление на приверженцев принципа "территориальной юрисдикции" сумели организовать сторонники осуществления уголовного преследования в соответствии с законодательством страны – места задержания предполагаемого преступника⁵¹. Существование такой юрисдикции, по мнению Алойзи и Д'Амельо, заключается в том, что преступления должны наказываться в соответствии с законами государства, на территории которого виновный арестован, даже если сами преступления совершены на территории другого государства. Отказ от уголовного преследования на основе изложенной выше юридической конструкции предполагал обязательную выдачу преступника, что, очевидно, и предопределило сдержанное отношение ряда "унификаторов" (прежде всего из стран, законодательство которых не признает обязательную выдачу) к этой попытке универсализации уголовной репрессии.

В итоге V Конференция приняла компромиссную формулировку, учитывающую позиции сторонников как "территориальной", так и "универсальной юрисдикции": «В области юрисдикции государства могут в настоящее время придерживаться правил "территориальной юрисдикции" или следовать по пути, уже принятому в законодательствах некоторых стран, – "универсальной юрисдикции"»⁵².

Таким образом, "унификаторы" пошли по реалистическому пути – отдать решение вопроса о применяемом в борьбе с терроризмом механизме юрисдикции на откуп внутреннему праву государств. Этот шаг не отвечает идее унификации национальных законодательств и создает потенциал для возможных конфликтных (прежде всего в юридическом смысле) ситуаций. Вместе с тем в нем есть своя логика: такое решение – результат подхода "унификаторов" к проблеме "универсальной юрисдикции" как институту национального уголовного права, а не как к международно-правовому механизму. Здесь коренной порок "унификаторского" движения – нельзя оберегать нормальное развитие международных отношений от преступных посягательств исключительно на основе норм внутреннего (в данном случае уголовного) права. Такая основа не дает возможности говорить о подлинной универсальности института юрисдикции. По существу, ставится вопрос об универсальности действия законодательства страны – места задержания предполагаемого преступника, то есть универсальность опять же в рамках уголовного закона с правом применения за пределами его национальных границ. Хотя речь идет о квазиуниверсальной юрисдикции, само появление этого принципа в документах "унификаторского" движения свидетельствует о стремлении его участников вывести сотрудничество в борьбе с терроризмом на более высокую орбиту, добиться, в частности, неотврати-

мости наказания лиц, виновных в совершении преступлений. У некоторых из участников, например у Алойза, формируется понимание, что полностью здание "универсальной юрисдикции" может быть возведено лишь на основе международного права. Отсюда его оценка согласованной формулы по проблеме юрисдикции как "формулы примирения между прошлым и будущим"⁵³. Будущее в развитии этого института принадлежит международному праву, которое создает и необходимые условия для эффективного функционирования механизма "универсальной юрисдикции". Трансграничный по характеру своей реализации, этот механизм опирается прежде всего на международно-правовые обязательства, связывающие государства и обеспечивающие надлежащую стыковку их действий.

Выдача. Эту проблему "унификаторы" рассматривали прежде всего с позиций национального уголовного законодательства. Международно-правовое начало в этом анализе также присутствует, но скорее опосредованно: дело в том, что "унификаторы" считают выдачу исполнителя теракта непременно следствием придания терроризму статуса "преступления по праву народов". Главной линией работы над проблемой выдачи стал учет особенностей внутреннего законодательства, что и определило конечную формулировку резолюции V Конференции по этому вопросу: "...в области выдачи таковая должна всегда признаваться. Для государств, конституции которых отказывают в выдаче социальных преступников, предшествующее положение не применяется"⁵⁴. Камнем преткновения в вопросах выдачи стал вопрос о том, какой статус имеет преступление терроризма – политический или "обычный", уголовный. Законодательства разных стран дали разный ответ. Французская делегация, например, заявила, что, исходя из концепций, доминирующих в ее стране, "не считает возможной выдачу за политические преступления"⁵⁵, к которым, по ее мнению, могут быть отнесены некоторые категории террористических действий. Если брать юридический срез этой коллизии, то он сводился к столкновению закрепленного в конституциях ряда стран права предоставлять убежище лицам, преследуемым по политическим мотивам (в том числе виновным в совершении обусловленных этими мотивами преступлений), и основополагающего принципа борьбы с преступностью – неотвратимостью наказания за противоправные деяния.

В вопросах выдачи спор о том, имеет ли теракт статус политического преступления или это уголовное правонарушение, носит весьма предметный характер. Признание за ним первой характеристики, по мнению Калоянни, имело бы следствием утверждение "права на безнаказанность". Это не только создавало бы нежелательный прецедент в плане подготовки благоприятной почвы для последующих

преступлений такого рода и других нарушений закона, но и подрывало бы необходимость всеобщего осуждения терроризма, саму идею борьбы с ним объединенными усилиями государств. Придание же терроризму характера общеуголовного деяния серьезно упростило бы проблему выдачи исполнителей терактов. "Террористические акты, — считает Пелла, — какими бы ни были обстоятельства их совершения и побудительные мотивы их исполнителей, должны рассматриваться как акты, дающие основания для их эффективного преследования, аналогичного преследованию за преступления по общему праву"⁵⁶. Такой шаг привел бы к деидеологизации сотрудничества государств, существенно повысил бы его эффективность, прежде всего в вопросах выдачи, но это потребовало бы внесения кардинальных изменений в законодательство целого ряда стран.

Необходимость такого шага трудно вывести, если исходить из интересов одного государства и норм его законодательства. Да это было бы, наверное, и ошибочно, поскольку речь идет о противодействии преступлению, выходящему за рамки национальных границ. Здесь нужен международно-правовой подход, предполагающий должный учет интересов всех членов мирового сообщества. "Взаимозависимость государств, о которой столько говорят в международном праве, — утверждает Калоянни, — не позволяет сказать: я защищаю лицо, совершившее преступление, потому что совершенный им акт интересует лишь его страну"⁵⁷.

Взаимозависимость государств и есть первооснова их сотрудничества (в том числе в борьбе с терроризмом), обеспечения неотвратимости наказания виновных в совершении его актов лиц. Взаимозависимость государств и необходимость их сотрудничества в целях эффективного противодействия терроризму ставят и вопрос о том, что право убежища не может быть абсолютной ценностью, у него должны быть ограничители — нельзя использовать этот институт в целях укрывательства преступников независимо от мотива, которым они руководствовались, совершая теракты; защита права индивида на безнаказанность попирает права на защиту от его противоправных действий других лиц и всего общества.

В целом подход к проблемам выдачи, закрепленный в резолюции V Конференции, носит компромиссный характер, оставляя за каждой страной свободу выбора — выдавать преступника в обязательном порядке или же сохранять за собой право (с учетом действующего законодательства) отказывать в выдаче такого лица. Вместе с тем этот компромисс — шаг вперед к международно-правовому регулированию борьбы с терроризмом, что предполагает эффективное использование института выдачи, нахождение весомых противоре-

сов, которые ограничивали бы распространение права убежища на лиц, совершающих уголовно наказуемые действия.

Ответственность. При обсуждении этой проблемы было установлено, что уголовная ответственность должна наступать как за совершение теракта, так и за связанные с этим действия – подготовку преступления, соучастие в нем, подстрекательство к нему, а также участие в организации, созданной с целью совершения терактов. Согласованы некоторые принципы вынесения наказания за преступления терроризма: виновные в совершении актов терроризма не могут избежать заслуженного наказания (неотвратимость наказания); мера наказания в каждом конкретном случае определяется соответствующим национальным законодательством; наказание должно быть наглядным и следовать без промедления. Мера наказания – это, пожалуй, единственная юридическая категория, которую не ставилось целью унифицировать. Хотя в ходе дискуссий доминировали гуманистические нотки в отношении определения меры наказания и предпочтение отдавалось применению “наиболее благоприятного закона”, в окончательной редакции текста этот принцип отражения не нашел. Не получило закрепления и высказывавшееся предложение об освобождении от наказания вовлеченных в теракты лиц, оказавших содействие предотвращению преступления или преследованию виновных в его совершении.

Проблема взаимосвязи между четкой юридической квалификацией терроризма и мерой наказания за него приобрела особую актуальность в связи с повышенной готовностью “унификаторов” в целях выработки общих параметров взаимодействия пойти на принятие компромиссных, зачастую допускающих неоднозначное толкование формулировок, что создавало бы дополнительные трудности для национальных судов при разбирательстве дел, связанных с терактами, в том числе в части, касающейся определения уголовной ответственности.

Важной является мысль, высказанная Алойзи и Д’Амельо, о том, что не должно существовать различий при определении степени ответственности за теракты независимо от мотивов, которыми руководствовался преступник, их совершающий. Проведение в жизнь принципа деидеологизации наказания – составной элемент процесса универсализации уголовной репрессии в борьбе с различными проявлениями терроризма.

Другое проявление универсальности уголовной репрессии – вынесение наказания за совершение теракта независимо от того, где был задержан исполнитель. Такая возможность – следствие возведения терроризма в ранг “преступления по праву народов”. На практике реализация этой возможности натолкнулась на трудности, свя-

занные с различными подходами к этой проблеме, которые закреплены в национальных законодательствах. Однако "унификаторы" указали, что будущее – как раз за продвижением в направлении "универсальной юрисдикции", в том числе в вопросах определения уголовной ответственности преступников.

Наконец, об институтах, которые "унификаторы" планировали наделить полномочиями определять степень вины лиц, причастных к совершению терактов. В резолюции V Конференции в качестве такой инстанции названы национальные суды, которые при рассмотрении соответствующих дел руководствуются нормами уголовного права своего государства. В будущем (т.е. после завершения унификации всего уголовного права) государства на основе солидарных обязательств, считал Ру, могли бы учредить "свои трибуналы для уголовного преследования за преступления, совершенные за пределами их территорий"⁵⁸. В этом предложении отражается озабоченность тенденцией к усилению транснациональных проявлений терроризма, но бороться с этим феноменом предлагается хотя и с помощью специализированных, но все же национальных трибуналов, а главное – на базе уголовного права, то есть в рамках предложенного "унификаторами" метода – противодействия преступлению международного характера исключительно национально-правовыми средствами, хотя и скоординированными между государствами.

Существенный недостаток этого метода – и это наглядно проявилось в ходе "унификаторских" конференций – практические трудности в устранении расхождений законодательств государств путем выведения (а в чем-то и навязывания) какой-то общей для всех участников базовой модели. Однако то, что невозможно преодолеть в рамках одной системы – в данном случае национального уголовного права, – нередко удается разрешить, прибегая к использованию другой системы координат – а именно международного права. Анализируя выявившиеся в ходе работы "унификаторов" различия, которые касались уголовного преследования "преступлений по праву народов" (в том числе терроризма), Лемкин пришел к выводу, что они должны быть отнесены к компетенции международного суда уголовного правосудия, создание которого необходимо именно в этих целях⁵⁹. Это наиважнейший вывод: различия в области национального законодательства, выявившиеся в ходе "унификаторских" конференций, разрешимы в рамках международного права и создаваемых на его основе органов.

Роль международно-правовых инструментов. Не менее важен и другой вывод, к которому пришли "унификаторы", анализируя проблему уголовной репрессии, – о необходимости "заключить международную конвенцию для универсального уголовного преследова-

ния террористических посягательств". Хотя эта рекомендация не нашла отражения в окончательном тексте по вопросу о терроризме, принятом V Конференцией, никто не высказался против нее; это мнение было преобладающим⁶⁰.

"Унификаторы" пришли к выводу, что международная конвенция – наиболее эффективный путь приведения к общему знаменателю законодательства, касающегося уголовного преследования преступников. В этом выводе содержится признание ограниченности подхода – создавать и претворять в жизнь механизм универсальной юрисдикции исключительно на базе унификации норм уголовного права. В то же время сотрудничество на основе международно-правовых документов имеется в виду ограничить установлением "идентичности" либо национальных законодательств, либо их части, касающейся уголовных санкций в отношении террористов. Предлагается заключить международную конвенцию в целях защиты наиболее уязвимых для посягательств террористов объектов, представляющих интерес для всего мирового сообщества. К таким объектам в первую очередь отнесены различные виды международных коммуникаций (наземный, водный, воздушный транспорт, почтовые, телеграфные, телефонные и радиосообщения). Появляется очень важная связь – между защитой объекта международного общения, значимость которого выходит за рамки одного государства, и международно-правовым способом обеспечения такой защиты. Однако сама защита сводится исключительно к сфере национального уголовного законодательства.

Еще одна важная особенность – стремление "унификаторов" к четкому "разделению труда" между своими конференциями, к компетенции которых относится выработка рекомендаций с целью гармонизации национального уголовного законодательства, и международными форумами, например Лигой Наций, которым предлагалось заняться разработкой международно-правовой конвенции по борьбе с терроризмом, что, впрочем, предлагалось осуществлять на основе уголовного законодательства.

VI. ВЫВОДЫ

Работа в рамках "унификаторского" движения над проблемой терроризма стала этапным событием в процессе объединения на многосторонней основе усилий государств в борьбе с этим феноменом. Основные заслуги "унификаторов" перед современным международным сотрудничеством в этой области видятся в следующем.

Терроризм отнесен ими к категории самостоятельных (имеющих свои специфические характеристики) правонарушений. Взаимодей-

ствие государств в борьбе с ним признано целесообразным сосредоточить на тех его проявлениях, которые имеют международное измерение, затрагивают интересы международного сообщества. Осознана необходимость и сделаны первые шаги в плане разработки общих параметров возможных моделей антитеррористического взаимодействия государств (общеприемлемое определение терроризма, система мер, связанных с осуществлением трансграничной уголовной репрессии терактов, некоторые элементы их предупреждения и пресечения и др.).

Самый серьезный изъян проделанной работы — готовность большинства участников вести борьбу с терроризмом практически исключительно на базе национального уголовного права путем его гармонизации. Вместе с тем наработки "унификаторского" движения вплотную подводят его участников к осознанию уязвимости такого подхода, который уже в силу своей правовой природы не может обеспечить адекватную антитеррористическую защиту в сфере международного общения, а некоторых из них — и к целесообразности постановки сотрудничества в этой области на международно-правовую основу.

"Унификаторские" конференции основательно подготовили, прежде всего в правовом отношении, международное сообщество к качественно новому этапу сотрудничества в борьбе с терроризмом, начало которому положено в 1934 году под эгидой Лиги Наций, когда государства приступили к формированию общего фронта борьбы с терроризмом на основе международного права.

¹ В данной статье рассматривается разработка проблем борьбы с терроризмом до того, как в 1934 году к их разработке приступила Лига Наций.

² **Трайнин А.Н.** Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. — М., 1969. — С. 18.

³ **IV-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal** (Paris, 27–30 Décembre 1931)/Actes de la Conférence. — 1933. — P. 138.

⁴ В I Конференции (Варшава, 1927 г.) приняли участие представители 9 государств, в V (Мадрид, 1933 г.) — делегаты уже из 35 стран, в том числе Греции, Бельгии, Италии, Испании, Франции, Польши, Румынии, Чехословакии.

⁵ Подробнее см. **Международное право в современном мире**. — М., 1991. — С. 30.

⁶ **Actes de la I-ère Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal**. — Paris, 1929. — P. 129.

⁷ II Конференция по унификации уголовного права (Рим, 1928 г.) тематикой "преднамеренного использования средств, способных вызвать общественную опасность" не занималась.

⁸ Термин "общая опасность" заимствован "унификаторами" из уголовных кодексов некоторых западноевропейских государств.

⁹ Конкретно речь шла о нескольких возможных проявлениях этих противоправных деяний, которые были сгруппированы в проекте следующим обра-

зом: 1) преднамеренные поджог, взрыв, наводнение, затопление, применение удушливых или ядовитых веществ, разрушение или повреждение сигнальных фонарей, сооружений и приспособлений, предназначенных для тушения пожаров и спасания; 2) преднамеренное нарушение нормальной работы транспортных средств и коммуникаций, железных дорог, телеграфа, телефона, почты; преднамеренное повреждение гидравлического оборудования, освещения, отопления или двигательной силы общественного пользования или назначения; 3) преднамеренное загрязнение, приведение в негодное состояние или отравление питьевой воды или продовольственных товаров первой необходимости; провоцирование или распространение инфекционных заболеваний, эпидемий, эпизоотий или заболеваний растений, имеющих первостепенное значение для земледелия, лесоводства и скотоводства. См. *Troisième Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal* (Bruxelles, 26–30 Juin 1930). *Compte Rendue// Extrait de la Revue de Droit Pénal et de Criminologie*. — 1930. — Juillet. — P. 24.

¹⁰ IV-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 50.

¹¹ Ibid. — P. 143, 147.

¹² V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal (Madrid, 14–20 Octobre 1934)/Actes de la Conférence. — 1935. — P. 44.

¹³ Ibid. — P. 49.

¹⁴ IV-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 60.

¹⁵ V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 45.

¹⁶ Ibid. — P. 44.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ По мнению Р. Лемкина, "общая опасность" угрожает не какому-либо определенному лицу или его имуществу, а индивидам, персонально не определенным, а также неопределенному количеству предметов, в то время как всеобщая (международная) опасность угрожает нескольким государствам или проживающим в них лицам. См. V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 50.

¹⁹ Ibid. — P. 53.

²⁰ IV-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 50.

²¹ Troisième Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 24.

²² V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 335.

²³ IV-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 133.

²⁴ Ibid. — P. 254.

²⁵ Ibid. — P. 259.

²⁶ Ibid. — P. 256.

²⁷ V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 144.

²⁸ Ibidem.

²⁹ V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 335.

³⁰ На первый план при анализе терроризма у Лемкина выходит опасность всеобщая (международная), то есть угрожающая интересам многих государств или их граждан. Иными словами, в качестве определяющего выводится критерий "защищенных ценностей", имеющих международное значение (телеграфная, телефонная, почтовая и радиосвязь, международные транспортные коммуникации).

³¹ V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal. — P. 145.

³² Ibid. — P. 137.

³³ Ibid. — P. 243.

³⁴ Ibid. — P. 51.

³⁵ Ibid. — P. 52.

³⁶ Ibid. — P. 242.

³⁷ Ibid. — P. 243.

³⁸ Ibid. — P. 137.

³⁹ Ibid. — P. 243.

⁴⁰ Ibid. — P. 46.

⁴¹ Ibid. — P. 247.

⁴² Ibid. — P. 142.

⁴³ В стране места совершения преступления, например, имеются следы преступления, которые являются его доказательствами, свидетели обвинения или защиты; в большинстве случаев правонарушитель располагает предпочтительными возможностями для защиты, поскольку он может говорить на языке своих судей. См. **V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 255.

⁴⁴ Ibid. — P. 44.

⁴⁵ **IV-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 50–51.

⁴⁶ **V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 52.

⁴⁷ Ibid. — P. 248.

⁴⁸ Ibid. — P. 345.

⁴⁹ **Troisième Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 24.

⁵⁰ **V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 56.

⁵¹ См. **IV-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 58.

⁵² **V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 335.

⁵³ Ibid. — P. 148.

⁵⁴ Ibid. — P. 335. Следует учитывать, что в работе над этой проблемой в контексте антитерроризма "унификаторы" исходили из базовых положений в области выдачи, рекомендованных для закрепления во внутреннем законодательстве III Конференцией (в частности, в выдаче может быть отказано, если речь идет о незначительных, непреднамеренных или политических преступлениях, в случае оправдания подозреваемого в запрашиваемом государстве; допускается отсрочка в выдаче в целях проведения расследования в суде запрашиваемого государства; в случае выдачи осужденного запрашивающее государство должно зачитывать срок, который он отбыл, и т.д.). См. **Troisième Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 18.

⁵⁵ **V-ème Conférence Internationale pour l'Unification du Droit Pénal.** — P. 145.

⁵⁶ Ibid. — P. 144.

⁵⁷ Ibid. — P. 247.

⁵⁸ Ibid. — P. 44.

⁵⁹ Ibid. — P. 56.

⁶⁰ Среди сторонников этой идеи — Лемкин, Гансбург, Ру, Пелла, Д'Амельо и Алойзи.